

Людмила Вениаминовна КУШНИНА¹
Елена Вадимовна АЛИКИНА²

УДК 81'44

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ КРЕДО СОВРЕМЕННОГО ПЕРЕВОДЧИКА В ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ СРЕДЕ

¹ доктор филологических наук, профессор
кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода,
Пермский национальный исследовательский политехнический университет
lkushnina@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4360-7243

² доктор педагогических наук,
заведующий кафедрой иностранных языков, лингвистики и перевода,
Пермский национальный исследовательский политехнический университет
elenaalikina@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-0908-1818

Аннотация

В основу статьи положена идея о том, что в условиях цифровой коммуникативной среды происходят изменения в структуре профессиональной деятельности и функциях переводчика-человека, часть которых переходит к переводчику-машине. Целью исследования являются поиски путей интеграции переводческой и метапереводческой деятельности, осуществляемых в когнитивном пространстве перевода и в речевом пространстве переводческого дискурса, который требует координации с существующими цифровыми платформами, а также разработки новых лингвотехнологий, ориентированных на получение качественного продукта, что обеспечивает успешное межъязыковое, межкультурное и межличностное взаимодействие.

Методологическим основанием предлагаемого исследования является концепция переводческого пространства, которая строится на синергетическом подходе к переводу, предполагающем гармонизацию смыслов оригинала и перевода, то есть их согласование и соразмерность. В качестве теоретического основания исследования вы-

Цитирование: Кушнина Л. В. Социокультурное кредо современного переводчика в цифровой коммуникативной среде / Л. В. Кушнина, Е. В. Аликина // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 3 (27). С. 23-38.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-3-23-38

ступает понятие эпистемической ситуации как экстралингвистической основы текста, обладающей онтологическим, методологическим и аксиологическим компонентами. Онтология перевода представлена идеей когнитивизма, методология вводится через теорию синергетики, аксиология соотносится с гармонией.

Результатом исследования является выявление соотношения между субъектоцентрическими и текстоцентрическими функциями переводчика-человека, развивающего свои рефлексивные, эмпатические и другие когнитивные способности, которые невозможно делегировать переводчику-машине. Делается вывод, что мы наблюдаем процесс транспозиции функций языковой личности переводчика, который сохраняет за собой все субъектоцентрические функции, тогда как часть текстоцентрических функций выполняет переводческое программное обеспечение. При этом социокультурная ответственность переводчика возрастает, так как перевод задается человеком и выполняется для человека.

Ключевые слова

Языковая личность переводчика, социальная ответственность переводчика, переводческие функции, парадигма гармонизации перевода, цифровое коммуникативное пространство.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-3-23-38

Введение

Современное переводоведение, как и многие другие гуманитарные и социальные науки, вступает в новую парадигму, отвечая вызовам научного и технологического прогресса — появлению и интенсивному развитию цифровой коммуникативной среды и цифрового переводоведения [5].

Согласно Н. К. Гарбовскому, «цифровое переводоведение — это новый вид перевода как система взаимодействия когнитивно-коммуникативной деятельности переводчика-человека и цифровых информационно-коммуникационных средств» [6, с. 10].

В результате освоения новой переводческой реальности формируется переводческая парадигма цифровой коммуникативной среды, которая характеризуется реформатированием «бинома»: языковая личность переводчика — переводческое программное обеспечение, что приводит, с одной стороны, к смещению некоторых традиционных функций переводчика, с другой стороны, к появлению новых функций.

В работе мы выдвигаем гипотезу о том, что гетерогенный по своей сути процесс перевода, обладающий текстоцентричностью и субъектоцентричностью, в эпоху цифрового переводоведения приобретает новые функции. Иными словами, имеют место транспозиционные преобразования. Идеи об уподоблении перевода транспозиции и ранее выдвигались учеными. Можно было говорить о транспозиции на уровне языка. В настоящее время перевод-транспозиция выходит на новый уровень, где наряду с языком и естественным интеллектом

человека появляется искусственный интеллект, который, с одной стороны, создан самим человеком, с другой стороны, к которому человек должен адаптироваться. Исследователям необходимо выяснить, какие функции и дальше будет выполнять переводчик-человек, как изменятся существующие функции, какие новые функции могут появиться, какие когнитивные свойства личности и когнитивные процессы будут развиваться.

Осознавая, что цифровое переводоведение — это свершившийся факт, и думая о будущем нашей профессии, мы не имеем права его игнорировать. Вместе с тем мы осознаем, что в русле современного лингвокогнитивного, лингвокультурного переводоведения мы можем решать проблемы, свойственные переводчику-человеку, а проблемы переводчика-машины должны решать специалисты в области сетевых и информационных технологий, краудсорсинга и пр., чтобы в дальнейшем объединить наши усилия в этом направлении.

В рамках данной статьи мы сосредоточим свое внимание на проблемах переводчика-человека, исходя из того, что диалог «переводчик-человек» и «переводчик-машина» начался, и каждая новая реплика в этом диалоге станет новым этапом понимания данного процесса.

Исходя из идеи текстоцентризма и субъектоцентризма, которые определяют наше понимание процесса перевода, мы полагаем, что в новой коммуникативно-цифровой реальности текстоцентрические функции в большей мере переходят к машине, а субъектоцентрические функции продолжает выполнять человек, но их содержание преобразовывается. Суть преобразований сводится к тому, что машинное переводческое мастерство будет постоянно расти, уменьшая переводческий вклад человека. При этом мы убеждены в том, что он никогда не исчезнет полностью, и проблема языковой личности переводчика также будет актуальна, потому что с момента своего зарождения перевод как процесс и как результат всегда рассматривается и как наука, и как искусство. Двойственная природа перевода, где деятельность переводчика простирается как в области науки, так и в области искусства, накладывает отпечаток на их соотношение. Так, мы можем предположить, что компонент *искусство* останется за человеком-переводчиком, а компонент *наука* будет принадлежать как искусственному интеллекту, так и естественному интеллекту, т. е. человеку как творцу искусственного интеллекта и автоматического перевода. Степень этих преобразований еще предстоит изучить. Так, например, уже существуют исследования, которые подтверждают, что совместная деятельность человека и машины требует от человека дополнительных усилий по предредактированию оригинала и постредактированию перевода.

В нашем исследовании акцент сделан на социокультурном аспекте этого взаимодействия. Мы считаем, что социокультурная ответственность языковой личности переводчика распространяется на все стороны его деятельности: видимые и невидимые, осознаваемые и неосознаваемые, стереотипные и творческие, цифровые и нецифровые. Иными словами, деятельность переводчика-человека и переводчика-машины оценивается, в конечном счете, человеком,

выполняется для человека, что подтверждает принцип антропоцентризма в переводоведении и стоящую за ним социальную ответственность языковой личности переводчика, ориентированного на получение качественного продукта; на успешное, гармоничное взаимодействие личностей, языков и культур. В этом взаимодействии приоритет переводчика-человека зиждется на его социокультурной функции, что позволит нам сформулировать социальное и культурное кредо современного переводчика.

Появление современных лингвотехнологий не означает, что познавательная и культурная миссия переводчика, направленная на трансфер знаний в межкультурном дискурсивном цифровом пространстве, существенно изменяется или исчезает. Очевидно, нам следует ожидать изменений в содержании и структуре деятельности языковой личности переводчика, в появлении специалистов нового типа, таких как цифровой лингвист, цифровой переводчик, переводчик-редактор, переводчик — технический писатель и др. Это означает лишь, что переводоведение переходит на новый уровень своего развития, и мы находимся в начале этого пути.

Исследования в данном направлении проводятся Л. М. Алексеевой, С. Л. Мишлановой и др., чьи работы послужили для нас импульсом для написания данной статьи [1, 2].

Цели и задачи исследования

В широком смысле целью исследования является интеграция переводческой и метапереводческой деятельности в цифровую коммуникативную среду, представленную сетевым взаимодействием переводчиков, что предполагает координацию переводческого дискурса с существующими цифровыми платформами и разработку новых лингвотехнологий.

В узком смысле цель проводимого исследования состоит в выявлении функций переводчика-человека, связанных с транспозиционным преобразованием, в которое вовлечены когнитивные способности языковой личности, такие как рефлексия и эмпатия.

В новой коммуникативной и социальной реальности при неизбежном расширении возможностей переводчика-машины происходит переструктурирование деятельности переводчика-человека, что мы намерены рассмотреть сквозь призму следующих концепций и теорий, которые представлены в исследовательских задачах:

- обосновать значимость синергии смыслов и гармонии как аксиологической доминанты перевода с позиций концепции переводческого пространства и метапереводческого пространства;
- охарактеризовать когнитивные механизмы перевода и метаперевода;
- обосновать понятие переводческого дискурса;
- показать характер транспозиционных преобразований в структуре деятельности переводчика-человека в аспекте проблемы языковой (речевой, коммуникативной) личности переводчика;

- наметить пути интеграции переводческого дискурса языковой личности переводчика-человека и цифровых программных продуктов — переводческого программного обеспечения в единую коммуникативную среду, обеспечивающую социальный, технологический, гуманитарный научный прогресс.

Литературный обзор

Обратимся к результатам исследований отечественных лингвистов и переводоведов, которые закладывают теоретические основы новой парадигмы перевода. Назовем эту парадигму *информационно-когнитивной*, где компонент *информационный* подразумевает активность искусственного интеллекта или перевод-машину, а компонент *когнитивный* подразумевает деятельность естественного интеллекта, или переводчика-человека. Именно на этом втором аспекте мы и сосредоточим наше внимание. Цель мы видим в том, чтобы определить роль и место переводчика-человека в цифровой среде, в цифровом переводеведении.

Мы признаем также, что информационный компонент этой совместной деятельности разрабатывают другие специалисты. Свою задачу мы видим в поиске таких профессиональных социально и культурно обусловленных стратегий деятельности, таких лингвистических, психологических, когнитивных механизмов, которые свойственны переводчику-человеку, при этом человек адаптирует свою деятельность к машине, выполняя и свои прежние функции, и новые функции, что в совокупности определяет когнитивный компонент данной парадигмы как модели перевода. Его подробное рассмотрение поможет нам создать когнитивный портрет переводчика как социального субъекта, а в дальнейшем определить его социокультурное кредо в соответствии с новыми реалиями межкультурной коммуникации.

Во-первых, мы исходим из положений антропоцентризма, раскрывающего неразрывную связь языка и естественного интеллекта человека, что отражено в работе Н. К. Рябцевой «Язык и естественный интеллект» [15].

Существенно стоит отметить, что Н. К. Рябцева подчеркивает способность человека как социальной личности к телеологизации существования, подразумевающей наличие цели как одного из основополагающих понятий, которое выражается в осмысленности, целенаправленности, мотивированности, контролируемости, осознаваемости речевого поведения.

Применительно к переводческой личности можно сказать, что человек-переводчик также имеет цель, которая может выражаться в необходимости знания целевой аудитории, т. е. для определенной целевой аудитории можно выбирать соответствующие переводческие стратегии, тактики и принимать переводческие решения. Например, технический текст можно переводить как для узких специалистов, так и для широкого круга потребителей и клиентов, но способы его структурирования, языкового оформления, стратегии и тактики выбора переводческого решения будут разными.

Следующий параметр, рассматриваемый Н. К. Рябцевой, состоит в том, что «в языке заложено гораздо большее количество знаний, чем в явном виде вер-

бализовано» [15, с. 15]. Это означает, что доля имплицитной информации достаточно велика, а невербализованные знания находятся как в сознании, так и в неосознаваемых структурах, понять которые может только человек. Нам представляется, что наличие невербализованной информации в тексте оригинала приобретает особое значение при переводе, так как для полноценного понимания текста перевода имплицитные смыслы могут оказаться гораздо важнее эксплицитных, что мы покажем ниже.

И, наконец, Н. К. Рябцева акцентирует внимание на социальных функциях человека: «Человек — не просто биологический организм, но гораздо больше — существо принципиально социальное... Главным средством социальной организации общества выступает язык... он еще способен творить новую, социальную, культурную реальность, в которой человек не только и не столько приспособляется к условиям жизни, сколько создает их сам и приспособливает окружающий мир к себе» [15, с. 178].

Невозможно не согласиться с данным высказыванием Н. К. Рябцевой, которое поможет нам сформулировать социальное кредо современного переводчика как полноправного субъекта цифрового перевода.

Во-вторых, в работе мы опираемся на концепцию переводческого пространства одного из авторов статьи [12]. Суть концепции состоит в следующем.

Перевод рассматривается как процесс взаимодействия текстов и дискурсов, принадлежащих различным лингвокультурам. Ключевые понятия переводческого процесса — смысл и смыслотранспонирование. Текст оригинала попадает в орбиту переводческого пространства, содержащего смыслопорождающие поля: текстовые поля и поля субъектов переводческой коммуникации (автора, переводчика, реципиента). Ядро переводческого пространства — его содержание — является инвариантом для переводчика, оно эксплицитно. Все периферийные поля и формируемые в них смыслы имплицитны и вариативны. В процессе извлечения, восприятия, понимания смыслов переводчик сначала их декодирует и девербализует, а затем ревербализует и вновь кодирует средствами другого языка. В предсказуемых ситуациях, при отсутствии переводческих трудностей переводчик создает адекватный или эквивалентный оригиналу текст. Но в сложных ситуациях, при поиске нетривиальных переводческих решений (мы имеем в виду письменный перевод, когда переводчик обладает достаточным временем для размышлений) переводчик не располагает легкодоступным арсеналом языковых средств. Профессиональная потребность переводчика направляет его на создание качественного продукта, который может стать компонентом принимающей культуры. Так, в переводческом пространстве он ищет не сумму смыслов всех его полей, а их синергию, предполагающую приращение новых смыслов, приемлемых для реципиентов принимающей культуры. Заметим, что синергетический эффект для каждой лингвокультуры будет разным. В результате синергии происходит порождение гармоничного текста перевода, т. е. такого текста, смыслы которого соразмерны смыслам текста оригинала. Эти идеи нашли отражение в диссертационных исследованиях учеников и последователей

(И. Н. Хайдаровой, С. С. Назмутдиновой, Н. Г. Гончар, Л. В. Енбаевой, Е. М. Пылаевой, А. О. Ушаковой, А. И. Криворучко и др. [14, 17]).

В-третьих, мы опираемся на результаты исследований в области метаперевода. Совместно с Н. А. Пластининой [13] мы изучали метапереводческое пространство. В основу были положены концепции параперевода европейских ученых, которые используют термины *paratraduction*, *paratranslation*, а также концепция В. Б. Кашкина [8], который обосновал понятие метаперевода. Как удалось доказать Н. А. Пластининой [13], метапереводческий дискурс нацелен на аппроксимацию текста оригинала, рецепцию и ассимиляцию текста перевода.

Изучение метаперевода мы связываем с изучением рефлексии переводчика, потребность в которой возникает, по мнению Л. М. Алексеевой и С. Л. Мишлановой [1-2], в момент непонимания, а сама рефлексия трактуется как способ актуализации смысла переводчиком.

Необходимость создания переводческого метатекста мы связываем со следующим утверждением Н. В. Уфимцевой: «Слово родного языка несет за собой потенциальную энергию живого действия, тогда как слово чужого языка такой энергии не несет. За словом родного языка стоят знания и умения родной культуры, а при переходе к чужой культуре усваиваются лишь знания» [18].

Методология исследования и выбор материала

Изучение такого сложного явления, как перевод, может эффективно осуществляться только посредством комплекса методов и методик. В нашей работе мы опираемся на два важнейших положения. Во-первых, мы опираемся на представленную выше концепцию переводческого пространства.

Во-вторых, методологическим основанием выступает понятие эпистемической ситуации, разрабатываемое учеными Пермской школы функциональной стилистики М. Н. Кожинной, М. П. Котюровой, Е. А. Баженовой, Н. В. Данилевской и др. Значительный интерес представляют работы М. П. Котюровой [9-10], которая вычленяет в этом понятии три компонента: онтологический, методологический, аксиологический. Идея эпистемической ситуации возникла при изучении научного стиля речи. М. П. Котюрова обосновала эпистемическую ситуацию как основную единицу смысла текста, как экстралингвистическую основу научного текста, где онтологический компонент связан с предметным содержанием знания, методологический компонент характеризует познавательную деятельность со стороны способов получения и репрезентации знаний, аксиологический компонент соотносится с оценочной природой знания [9].

Признавая методологическую значимость понятия эпистемической ситуации, мы представили эпистему перевода следующим образом: онтология перевода — когнитивная сущность данного процесса; методология перевода — синергетический подход; аксиология перевода — гармоничный перевод.

Таким образом, эпистема перевода видится нам как триединство компонентов, где само переводческое пространство есть ментальное пространство гетерогенных эксплицитно-имплицитных смыслов; процесс перевода предполагает

приращение культурно-значимых смыслов, а результат перевода есть гармоничный текст, который становится фактом принимающей культуры и обогащает ее.

В рамках данной статьи был использован материал, представляющий русско-французский и франко-русский художественный дискурс, где в качестве переводчиков выступали профессионалы, опубликовавшие свои переводы. Вместе с тем поставленная исследовательская задача может быть успешно решена при условии сопоставления печатных публикаций, выполненных переводчиком-человеком, с работами, выполненными переводчиком-машиной. В этом состоит ближайшая перспектива наших исследований.

Результаты исследования

В теоретическом плане важно подчеркнуть, что в настоящее время в русле антропоцентрического когнитивного переводоведения теория перевода поднимается на новый уровень осмысления онтологии, методологии, аксиологии.

Опираясь на трактовки дискурса, предложенные В. Е. Чернявской [19], мы сформулировали следующее определение: переводческий дискурс есть коммуникативное событие, участниками которого являются, как минимум, три субъекта конкретной коммуникативной ситуации (автор, переводчик, реципиент), когнитивные пространства которых пересекаются в едином пространстве перевода. Содержание пространства перевода создается, с одной стороны, переводческим пространством, с другой стороны, метапереводческим пространством, что обусловлено синергией смыслов, в результате чего дискурсы оригинала и перевода становятся гармоничными и взаимообогащающими.

Это не означает, что дискурс перевода, воспринимаемый реципиентами, симметрично и незамедлительно влияет на дискурс оригинала. В одном случае происходит обогащение целевой культуры; в другом случае, эта культура становится исходной, что поддерживает баланс культур между симметрией и асимметрией. Ясно, что национальная культура обогащается благодаря мировой культуре, которая принимает в свое пространство национальные культуры, и этот процесс бесконечен.

Когнитивный механизм этого процесса взаимодействия языков и культур при переводе сквозь призму концепции переводческого пространства видится нам в порождении переводчиком когнитивного контекста (термин М. Ледерер *contexte cognitif* [21]). Согласно М. Ледерер, единицы смысла, которые извлекает переводчик, создают по мере продвижения по тексту когнитивный контекст: экстралингвистические дополнения, которые помогают пониманию.

Мы используем понятие когнитивного контекста для описания пространства перевода, которое складывается из переводческого пространства и метапереводческого пространства.

В практическом плане мы проанализировали проявления переводческой гармонии в переводческом и метапереводческом пространстве.

Оригинал:

*В пятнах света, в путанице линий
Я себя нашел как брата брат (А. Тарковский)*

Перевод:

*Dans le chaos des lignes, des couleurs,
Comme un frère jumeau je me suis trouvé* (А. Тарковский)

Мы признаем перевод гармоничным, так как переводчик не ограничился словарными соответствиями, а проявил чувство эмпатии, используя вместо лексемы *брат* другую — *брат-близнец* (*un frère jumeau*), подчеркивая тем самым глубокое внутреннее понимание, на которое способны лишь близнецы.

Оригинал: *Варвара Саввишина*

Перевод: *Varvâra Sâvvîcvhna*

Переводческий метатекст (сноска внизу страницы): *forme officielle correcte pour parler de Varvâra équivalent de mademoiselle Varvâra.*

Обратный перевод метатекста: правильная официальная форма, чтобы говорить о Варваре, эквивалент для формы: мадемуазель Варвара.

В тексте оригинала встречаем имя собственное — антропоним *Варвара Саввишина* (А. П. Чехов «Человек в футляре»). Переводчик Д. Рош сначала транскрибирует имя, согласно нормам французского языка, принятым в начале XX в., а затем создает метатекст в виде сноски в конце страницы, поясняя франкоязычному читателю его смысл.

Оригинал:

*La coccinelle
Je ris dans les bleuets,
Je mange dans les lis,
Je lis dans les oellots
Je bois dans les narcisses.
Et, couchée dans les citronnelles,
Je rêve si longtemps de bleu,
Moi, la petite coccinelle
Que je deviens bête à bon Dieu* (М. Карême)

Перевод:

Божья коровка
С утра хохочу с васильками,
На лилии отдых устраю,
Делюсь с маргариткою снами,
С нарциссом — холодной росой.
Лопух меня на ночь упрячет...
О небе мечтаю весь день я
Я божья коровка, а значит,
Я лучшее божье творенье (М. Карем, переводчик М. Яснов)

Сравнивая оригинал и перевод, констатируем, что переводчик создает глубокий когнитивно-аффективный контекст, воссоздавая мысли и эмоции автора,

которые передают радостное настроение каждого живого существа, символом которого является божья коровка и окружающие ее полевые цветы.

В русском переводе текст приобретает новые черты благодаря фоносемантическим приращениям: номинация «божья коровка» близка выражению «божье творенье», чего не было в оригинале, т. к. во французском языке «божья коровка» («coccinelle») не связана со словом «Бог» («Dieu»).

Итак, с одной стороны, мы наблюдаем межъязыковую асимметрию: многие лексемы оригинала заменены другими лексемами в переводе, что не разрушает авторскую систему поэтических образов. С другой стороны, тексты оригинала и перевода находятся в отношениях культурной симметрии, т. е. происходит порождение сходных культурных смыслов, что позволяет признать перевод гармоничным.

Обсуждение

Мы полагаем, что именно переводческий метатекст снимает трудности понимания имени собственного иноязычными и инокультурными реципиентами. Как показал пример создания переводческого метатекста, являющегося результатом рефлексии переводчика, машина не способна к рефлексии, и она предоставит читателю лишь транскрипцию имени собственного, т. е. выполнит часть функций переводчика-человека. Что касается синергетических приращений смысла при переводе, раскрывающих значимость эмпатийной составляющей деятельности переводчика, мы убеждены в том, что машинный перевод ограничится выбором точных адекватных или эквивалентных межъязыковых соответствий. Межкультурные соответствия, которые приводят к гармонии, может найти лишь переводчик-человек, тонко чувствующий автора оригинала и предчувствующий читателя-реципиента. В том и в другом случае переводчик создает когнитивный контекст, благодаря которому когнитивные пространства всех субъектов переводческой коммуникации вступят во взаимодействие, взаимопересечение, что приведет к взаимопониманию.

Обратимся к проблеме транспозиционных преобразований, касающихся функций языковой (речевой, коммуникативной) личности переводчика.

Начнем с того, что лингвоперсонология, ориентированная на изучение человека в языке, исследует языковую личность переводчика в соответствии с моделями, представленными Е. В. Аликиной [3] Ю. Н. Карауловым [7], А. Б. Бушевым [4], В. В. Красных [9], Л. П. Тарнаевой [16] и др. Как подчеркивает А. Б. Бушев [4], современный переводчик находится под взаимовлиянием культурной идентичности и чужеродности культуры, что требует наличия следующих компетенций: аналитической, креативной, эмоциональной, а также умений распознавания и продуцирования текстов на двух контактирующих языках. Л. П. Тарнаева [16] относит переводчика к элитарному типу речевой культуры, который обладает способностью создания письменного или устного текста любого функционального стиля речи. Согласно нашей концепции переводческого пространства, переводчик должен обладать гармоничным переводческим

мировоззрением. Порождая гармоничный текст перевода, он создает качественный текст, который является столь же уникальным и неповторимым, как и оригинал.

Что происходит с языковой личностью переводчика в новых условиях?

Во-первых, сошлемся на утверждения Л. М. Алексеевой и С. Л. Мишлановой, которые исследуют проблему трансфера знаний с позиций когнитивной транслятологии: «Перевод как языковая деятельность является не простой манипуляцией с текстом оригинала, не заменой одного текста другим, а сложным мыслительным процессом, строящимся на таких параметрах, как интертекстуальность и иконичность языкового знака. Текст перевода, таким образом, всегда оказывается процессом создания нового текста, а не воссозданием исходного, как это выглядит с точки зрения техники перевода (инженерии текста)» [1, с. 79].

Идеи когнитивной транслятологии развивают и европейские ученые. В частности, Г. Ашар-Бэйль и К. Дюрё (G. Achard-Bayle, C. Durieux) подчеркивают идею того, что в переводе помимо лингвистических размышлений о связи языков и культур необходимо задумываться об онтологических основаниях и природе реальности, воспринимаемой и представляемой сознанием [20].

Совокупность взглядов современных ученых на процесс перевода позволяет оценить характер транспозиционных преобразований, свойственных современной эпистеме перевода, а именно тот факт, что в онтологическом аспекте речь идет о сложном мыслительном процессе по созданию текста перевода. В методологическом аспекте мы акцентируем внимание на синергетическом эффекте, возникающем в переводческом пространстве, и на переводческой рефлексии, являющейся важнейшим параметром при создании переводческого метатекста. В аксиологическом аспекте мы рассматриваем гармоничный перевод как вершину процесса перевода и идеал для переводчика. Таковы новые переводческие реалии и наше представление о них.

Заключение

Учитывая основные положения лингвоперсонологии, связанные с аналитизмом, креативностью, эмоциональностью языковой личности переводчика; идеи когнитивного переводоведения о ментальной составляющей процесса перевода, ориентированного на создание текста перевода, а не просто на воссоздание текста оригинала; концепцию переводческого пространства о гармоничном мировоззрении элитарной переводящей личности, можно сделать общие выводы, касающиеся транспозиции переводческих функций в свете новой парадигмы:

1. Переводчик-человек как уникальная языковая личность, которому необходимо координировать свои действия с другими сетевыми переводчиками и с переводчиком-машиной, сохраняет за собой функции, соответствующие определенным компетенциям, которые не могут быть делегированы другим субъектам перевода.
2. Переводчик-человек формирует в своем сознании переводческую картину мира, гармоничное переводческое мировоззрение, ориентированное

на взаимодействие гетерогенных культур и взаимопонимание реципиентов, принадлежащих к этим культурам.

3. Переводчик-человек обладает свойствами рефлексии, эмпатии, эмоциональности, креативности, аналитизма и др., что позволяет ему создавать гармоничные тексты, обогащающие другие культуры.
4. Переводчик-человек гармонизирует результаты своей деятельности с результатами машинного перевода, оценивает их с точки зрения социокультурного предназначения перевода.
5. Переводчик-человек несет социальную ответственность за продвижение текста перевода в принимающей культуре. В этом состоит его социальное кредо.

Подводя итог, подчеркнем, что в данной работе была представлена попытка проанализировать транспозицию функций переводчика-человека, который должен координировать свои действия с другими сетевыми переводчиками и с переводчиком-машиной. В рамках данной статьи мы не затрагивали проблему машинного перевода. Нас интересовал вопрос порождения пространства перевода с целью создания гармоничного переводческого дискурса, который может стать неотъемлемой частью принимающей культуры. Переводчик-человек сохраняет и развивает такие когнитивные способности, которые он не может делегировать переводчику-машине. Эти функции отражают субъектоцентричность процесса перевода в его когнитивном измерении, соотносимом с естественным интеллектом. Что касается текстоцентричности перевода, этот процесс тяготеет к искусственному интеллекту. В этом нам видится перспектива исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Л. М. Трансфер знания в гуманитарных науках / Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2019. 195 с.
2. Алексеева Л. М. Коммуникация и менеджмент знания в гуманитарных науках / Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2020. 254 с.
3. Аликина Е. В. Переводчик как метаязыковая личность / Е. В. Аликина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 4-1 (34). С. 15-18.
4. Бушев А. Б. Русская языковая личность профессионального переводчика: / А. Б. Бушев. Тверь: Лаборатория деловой графики, 2010. 265 с.
5. Гамбье И. Перевод и переводоведение на перекрестке цифровых технологий / И. Гамбье // Вестник СПбГУ, Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 4. С. 56-74.
6. Гарбовский Н. К. Интеллект для перевода: искусный или искусственный / Н. К. Гарбовский, О. И. Костикова // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2019. № 4. С. 3-25.
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 264 с.

8. Кашкин В. Б. Метакогнитивные исследования перевода / В. Б. Кашкин // Десятые Федоровские чтения. Университетское переводоведение. 2009. Вып. 10. С. 230-242.
9. Котюрова М. П. Современный научный текст сквозь призму дискурсивных изменений / М. П. Котюрова, Н. В. Соколова. Пермь: Изд-во Перм. гос. нац. исслед. ун-та, 2017. 204 с.
10. Котюрова М. П. Культура научной речи: текст и его редактирование / М. П. Котюрова, Е. А. Баженова. М.: Флинта: Наука, 2008. 280 с.
11. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность / В. В. Красных. М.: ИГДГК: Гнозис, 2003. 375 с.
12. Кушнина Л. В. Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства / Л. В. Кушнина. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2009. 196 с.
13. Кушнина Л. В. Метапереводческая деятельность как когнитивный процесс / Л. В. Кушнина, Н. А. Пластинина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4 (58). Ч. 1. С. 107-110.
14. Кушнина Л. В. Рефлексия переводчика vs метапереводческая деятельность / Л. В. Кушнина, Е. В. Зубкова, Н. Г. Погорелая // Мир науки. Социология. Филология. Культурология. 2020. Том 11 № 2.
URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/07FLSK220.pdf>
15. Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект / Н. К. Рябцева М.: Academia, 2005. 640 с.
16. Тарнаева Л. П. Концепция языковой личности в контексте проблем переводоведения / Л. П. Тарнаева // Вестник Ленинградского университета. 2008. № 2 (13). С. 55-68.
17. Теория перевода в классической и современной исследовательской парадигме: онтология, методология, аксиология: колл. Монография / под ред. Л. В. Кушниной. М.: Флинта, 2020. 336 с.
18. Уфимцева Н. В. Этнопсихоллингвистика как раздел теории речевой деятельности / И. А. Бубнова, И. В. Зыкова, В. В. Красных, Н. В. Уфимцева // (Нео)психоллингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. М.: Гнозис, 2017. С. 21-96.
19. Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса / В. Е. Чернявская. М.: Ленанд, 2014. 200 с.
20. Achard-Bayle G. Cognitivisme et traductologie. Approches sémantiques et psychologiques / G. Achard-Bayle // G. Achard-Bayle, C. Durieux (dir.). Paris: Classiques Garnier, 2020. 188 p.
21. Lederer M. La traduction aujourd'hui / M. Lederer. Paris: Hachette, 1994. 224 pp.

Liudmila V. KUSHNINA¹

Elena V. ALIKINA²

UDC 81'44

SOCIOCULTURAL CREDO OF MODERN TRANSLATOR IN DIGITAL COMMUNICATION ENVIRONMENT

¹ Dr. Sci. (Philol.), Professor,
Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation,
Perm National Research Polytechnic University
lkushnina@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4360-7243

² Dr. Sci. (Ped.),
Head of Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation,
Perm National Research Polytechnic University
elenaalikina@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-0908-1818

Abstract

The article is based on the idea that, in a digital communicative environment, there are changes in the structure of the human-translator activity and functions, some of which are transferred to the machine translation. The aim of the research is to find ways of translation and meta-translation activities integration in the cognitive translation space and speech space of the translation discourse. This requires the coordination of the translation discourse with existing digital platforms, development of new language technologies oriented towards a high-quality product that ensures successful interlingual, intercultural, and interpersonal interaction.

The methodological basis of the research is the concept of translation space which is based on a synergetic approach to translation involving harmonization of the source and target meanings, i.e., their adequacy and equivalence. The theoretical basis of the study is the notion of an epistemic situation as an extralinguistic basis of a text with ontological, methodological, and axiological components. The ontology of translation is represented by the idea of cognitivism, methodology — by synergy, axiology — by harmony. The result of the study is the correlation between the subject-centric and text-centric functions of a

Citation: Kushnina L. V., Alikina E. V. 2021. “Sociocultural Credo of Modern Translator in Digital Communication Environment”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no. 3 (27), pp. 23-38.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-3-23-38

human-translator developing their reflexive, empathic, and other cognitive abilities which cannot be delegated to machine translation. There is transposition process of translator linguistic persona functions when the translator retains all subject-centric functions, whereas part of text-centric functions are performed by translation software. At this time, the social and cultural responsibility of the translator increases, since translation is assigned by a human and performed for a human.

Keywords

Linguistic persona of translator, social responsibility of translator, functions of translator, harmonization of translation, digital communicative environment.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-3-23-38

REFERENCES

1. Alekseeva L. M., Mishlanova S. L. 2019. Transfer of Knowledge in the Humanities. Perm: Perm National Research Polytechnic University Publishing house. 195 p. [In Russian]
2. Alekseeva L. M., Mishlanova S. L. 2020. Communication and Knowledge Management in the Humanities. Perm: Perm National Research Polytechnic University Publishing house. 254 p. [In Russian]
3. Alikina E. V. 2014. "Translator as metalinguistic personality". *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*, no. 4-1 (34), pp. 15-18. [In Russian]
4. Bushev A. B. 2010. Russian Linguistic Persona of the Professional Translator. Tver: Laboratory of business graphics. 265 p. [In Russian]
5. Gambier Yv. 2016. "Translation and translation science at the crossroads of digital technologies". *St. Petersburg State University Herald. Series 9. Philology. Oriental Studies. Journalism*, vol. 4, pp. 56-74. [In Russian]
6. Garbovsky N. K., Kostikova O. I. 2019. "Intellect for translation: art or artificial". *Moscow University Herald. Series 22. Theory of Translation*, no. 4, pp. 3-25. [In Russian]
7. Karaulov Y. N. 2007. Russian Language and Language Personality. Moscow: LKI. 264 p. [In Russian]
8. Kashkin V. B. 2009. "Metacognitive studies of translation". *10th Fedorov's Readings. University Translation Science*, vol. 10, pp. 230-242. [In Russian]
9. Kotyurova M. P., Sokolova N. B. 2017. Modern Scientific Text through the Prism of Discursive Changes. Perm: Perm National Research University Publishing house. 204 p. [In Russian]
10. Kotyurova M. P., Bazhenova E. A. 2008. Culture of Scientific Speech: Text and Its Editing. Moscow: Flinta: Nauka. 280 p. [In Russian]
11. Krasnyh V. V. 2003. "At home among strangers": Myth or Reality. Moscow: Gnosis. 375 p. [In Russian]
12. Kushnina L. V. 2009. Harmonization Theory: Experience of Cognitive Analysis of Translation Space. Perm: Perm National Research Polytechnic University Publishing house. 196 p. [In Russian]

13. Kushnina L. V., Plastinina N. A. 2016. "Meta-translational activity as a cognitive process". *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*, vol. 4 (58), pp. 107-110. [In Russian]
14. Kushnina L. V., Zubkova E. V., Pogorelaya N. G. 2020. "Reflexion of the translator vs metatranslation activity". *World of Science. Sociology. Philology. Culture*, vol. 11 (2). Accessed on 7 September 2021. <https://sfk-mn.ru/PDF/07FLSK220.pdf> [In Russian]
15. Ryabtseva N. K. 2005. *Language and Natural Intelligence*. Moscow: Academia. 640 p. [In Russian]
16. Tarnaeva L. P. 2008. "Concept of linguistic personality in the context of translation theory problems". *Leningrad University Herald*, vol. 2 (13), pp. 55-68. [In Russian]
17. Kushnina L. V. (ed.). 2020. *Theory of Translation in Classical and Modern Research Paradigm: Ontology, Methodology, Axiology*. Moscow: Flinta. 336 p. [In Russian]
18. Ufimtseva N. V., Bubnova I. A., Zykova I. V., Krasnyh V. V. 2017. "Ethnopsycholinguistics as a section of the speech activity theory". *Neopsycholinguistics and Psycholinguculturology: New Sciences about a Human Speaking*. Moscow: Gnosis. Pp. 21-96. [In Russian]
19. Cherniavskaya V. E. 2014. *Linguistics of Text. Linguistics of Discourse*. Moscow: Lenand. 200 p. [In Russian]
20. Achard-Bayle G., Durieux C. 2020. *Cognitivism et Traductologie. Approches Sémantiques et Psychologiques*. Paris: Classiques Garnier. 188 p.
21. Lederer M. 1994. *La Traduction Aujourd'hui*. Paris: Hachette. 224 p.